

ISSN 0130-7517

am

НЕМАН

Журнал писателей Беларуси

№ 6 2008

30п 3373/2008/6

НЭМАН

6/2008

ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Василь ТКАЧЕВ. Между ночью и днем. Роман. Перевод с белорусского
М. Позднякова 9

Впервые в «Нёмане»

Ирина ШАТЫРЕНОК. Ирина — мое имя. *Рассказ* 79
Станислав МАРКЕВИЧ. Два рассказа 99
Евген КУХТА. Запасной вариант. *Рассказ* 110

Поэзия

Анатолий АВРУТИН. Свет вечерний... *Стихи* 3
Георгий КИСЕЛЕВ. Твоей любви благодаря. *Стихи* 74
Мария ШЕВЧЕНОК. Все кажется просто. *Стихи* 94
Галина САМОЙЛО. Нежный лучик. *Стихи* 97

Впервые в «Нёмане»

Василий ВИТЬКО. Это Родина, Родина светлая. *Стихи* 107

Из поэтических тетрадей

Виктор КУЦ, Александр СЛАЩЕВ, Тамара КОШЕВАЯ, Дмитрий
РАДИОНЧИК, Виктор КУДЛАЧЕВ, Валерий МАЦУЛЕВИЧ, Людмила
ШЕВЧЕНКО, Наталья ШАБАНОВА, Елена РУЖ, Анна БАКУН. *Стихи* . . . 120

Публицистика. Очерк

Людмила КЕБИЧ. Большой судьбы поля и реки. 128
Владимир СВЕКЛА. Кузница офицерских кадров 138
Николай ЖИЛИНСКИЙ. О малой Родине с любовью 152

Время. Жизнь. Литература

Валентина ЛОКУН. О моем друге и покровителе... 64

Литературоведение

Лада ОЛЕЙНИК. Взаимосвязь обстоятельств и судьбы героя в романе
В. Быкова «Карьер» 164

Адресная библиотечка
ВЕРНУДОВИЧКА

Установа культуры
«Абласная бібліятэка
імя М. Горкага»
г. Ерэт

Литературная критика

- Ирина ФОМЕНКОВА. Горит вдохновения луч 170
Галина СЕМЕНОВА. Исцеление уставших душ 174

Что мы читаем

- Надежда СЕНАТОРОВА. «...Не тужи, пакуль светла на души» 177

Книжное обозрение

- Борис НЕСТЕРЕНКО. Новые книги 179

Искусство

- Виталий РОДИОНОВ. Композиторские традиции Гродненщины 182

Из почты журнала

- Алексей КОРОЛЕВ. Война нас сделала взрослыми 188

- Авторы номера 192

**Главный редактор
Михаил ПОЗДНЯКОВ**

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

*Евгений Коршуков, Наталия Костюченко (редактор отдела прозы),
Станислав Куняев, Валентин Лукша, Игорь Лученок,
Владимир Макаров, Борис Олийник, Николай Опиок, Геннадий Пашков,
Вячеслав Пулко, Валентин Распутин,
Эдуард Скобелев, Анатолий Сульянов, Николай Чергинец*

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. А. Губарь*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *Т. С. Чуйковой*

Подписано к печати 28.05.08 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,09. Тираж 4591.
Регистрационный № 529. Зак. 1506.

Адрес редакции: 220034, г. Минск, пр. Независимости, 39.
Телефоны: главного редактора — 284-85-24; заместителя главного редактора — 284-41-88; отделов прозы,
общественной жизни, культуры, истории — 288-20-72; отделов поэзии, критики — 288-20-72;
отдела технического оформления — 284-76-68; корректорской — 284-66-73.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79.

© «Нёман», 2008, № 6, 1—192

**Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»**

ВАЛЕНТИНА ЛОКУН

*О моем друге и покровителе.
Воспоминания
о В. А. Коваленко*

Весна 1984 года. Близится защита кандидатской диссертации. Я сижу в номере гостиницы «Минск» вместе со своим научным руководителем Дмитрием Яковлевичем Бугаевым. Профессор Бугаев — отдельная страница в моей творческой жизни. Он был моим Учителем. Первым. Он «лепил» из меня исследователя. До этого я только самозабвенно любила читать книжки, особенно русскую классику. Дмитрий Яковлевич открывал для меня мир совершенно иной — мир творчества, мир науки.

Тема моей диссертации была достаточно обширной: «Стилевое своеобразие белорусской военной прозы. На материале творчества В. Быкова, Б. Саченко, И. Чигринова». Работалось легко. По сути, за полтора года диссертация была готова. Я тогда часто приезжала в Минск, здоровье и обстоятельства позволяли. Останавливались, как правило, в гостинице «Минск». Обычно мы снимали номер люкс на сутки-двое. В стенах гостиницы я сдавала и кандидатский минимум, члены специальной комиссии приходили ко мне в номер. Туда подъезжали и мои друзья, приятели, а потом и ученые, писатели, с которыми я постепенно заводила знакомства в столице — доцент кафедры русской классической литературы Белгосуниверситета Александр Александрович Станюта, зав. кафедрой белорусской литературы Ольга Васильевна Козлова, доцент этой кафедры Татьяна Ивановна Шамякина, критики Евгений Григорьевич Лецко, Владимир Игнатьевич Анискович, литературоведы Владимир Леонтьевич Соколовский, Антон Александрович Семенович, Василий Федорович Хомченко, писатели Эрнест Васильевич Ялугин, Алесь Герасимович Масаренко, Вера Семеновна Полторан и другие.

Хорошо помню наши тогдашние «посиделки». Я, как губка, впитывала в себя все, что «озвучивалось», о чем тогда дискутировали. Я была горда тем, что общаюсь к миру большой литературы. И самым для меня приятным было то, что никто из этих людей не замечал во мне человека «с ограниченными физическими возможностями». Они совершенно не видели моих «слабых ног», а воспринимали только, как выразился впоследствии декан филфака Алексей Арсентьевич Волк, мою «сильную» голову.

И вот впереди защита диссертации. Мы с Дмитрием Яковлевичем обсуждаем имена оппонентов. Обсуждаем — это громко сказано. Рассуждает один Дмитрий Яковлевич: «Нам нужно уже теперь думать о вашем будущем, нужно привлекать людей, которые бы реально смогли вас поддержать после защиты. С одним из оппонентов я уже связался, это Серафим Антонович Андреюк — главный редактор издательства «Мастацкая літаратура». А еще я думаю, вам есть смысл познакомиться с Виктором Антоновичем Коваленко, директором Института литературы имени Я. Купалы АН БССР. Это очень серьезный ученый, авторитетный».

Я замерла. Как? Сам Коваленко будет у меня первым оппонентом? Это же фантастика. Да и согласится ли он? Я знала его как автора ряда книг: «Голас чалавечнасці» (1970), «З пазіцый сучаснасці. Агульны працэс літаратурнага развіцця» (1975), «Праблемы сучаснай беларускай крытыкі» (1977), рамана «Падвышанае неба» (1978). Но особенно меня поразила его монография «Вытокі, уплывы, паскоранасць» (1975). Читала книгу и удивлялась эрудиции автора, его осведомленности, глубине и масштабам постижения литературного процесса. Исследователь в совершенстве владел методикой компаративистской науки. Именно через Коваленко я открыла для себя мир славянских литератур — сложно взаимосвязанный. Ученый оживил, активизировал целое направление в отечественном литературоведении — компаративистское изучение литератур. Тогда я не могла даже предположить, что впоследствии именно компаративистике я отдам почти двадцать лет своей жизни. (В скобках отмечу, что постсоветское литературоведение внесло определенные коррективы, выдвинутые Коваленко в понятия ускоренности и взаимовлияния литератур, оставив за белорусской литературой право развиваться своим специфическим путем.)

Меня потрясала эрудиция В. Коваленко. Так же, как и смелость мысли моего Учителя — Д. Бугаева. Я была убеждена, что это как раз и есть те высоты, до которых мне никогда не дотянуться, но стремиться надо. Это — как ориентир на будущее, на всю жизнь.

Виктор Антонович согласился выступить в качестве первого оппонента. Защита диссертации была назначена на 8 июня.

Накануне я позвонила в Минск в Институт литературы. Волновалась как никогда. Видимо, Коваленко почувствовал мое волнение, потому что сразу начал: «Работа у вас хорошая, выполнена на достаточно высоком научном уровне. А это означает, что разговор на защите будет серьезный. Только не волнуйтесь, вы справитесь, у вас все будет хорошо». Эти его слова меня и обрадовали, и насторожили одновременно. Обрадовалась, что работа хорошая, но насторожила мысль о предстоящей дискуссии в процессе защиты. Как оно все там обернется?

И вот я снова в Минске, сижу в гостинице вместе с Д. Бугаевым, уточняем различные моменты накануне защиты. Дел невпроворот, бесконечные телефонные звонки, среди которых был и звонок от Виктора Антоновича. Он сказал, что где-то через час привезет мне свой отзыв, точнее, его копию, — для ознакомления. Так оно и вышло.

Виктор Антонович Коваленко.

Но здесь меня очень удивила деликатность этого человека. Уже поднявшись на наш этаж, он попросил у дежурной разрешения позвонить в наш номер. Он предупредил меня, что находится уже в гостинице, стоит у наших дверей и просит разрешения войти. Моя подруга выскочила в коридор и пригласила его в номер.

По правде говоря, я представляла Коваленко иным, этаким, как теперь говорят, мачо, высоким, с волевым лицом и обязательно брюнетом. А передо мной стоял человек невысокого роста, чуть полноватый, с типично славянским лицом и ко всему — еще и рыжеватый. Но вместе с этим была улыбка — очень теплая, искренняя, в чем-то даже стеснительная. И глаза — они излучали столько света, доброты, что я от неожиданности просто растерялась. Было ощущение, что мы уже виделись с этим человеком, давно знакомы, что он все-все обо мне знает. Виктор Антонович отдал мне копию отзыва, еще раз похвалил диссертацию, но задерживаться не стал, ибо у него была назначена встреча с ректором БГУ и опаздывать он не хотел. От кофе отказался, сказал, что в другой раз.

Отзыв Виктора Антоновича был, если можно так сказать, абсолютно положительным. Дмитрий Яковлевич меня поздравил с такой оценкой, но попросил не расслабляться, потому что в процессе защиты из зала может вылезти с репликой какой-нибудь «Піліп з канापель», и тогда мне ой как не поздоровится. И он оказался прав. Был у меня такой «Піліп». Однако, все по порядку. Помню, как уже в конференцзале пединститута им. Горького (защита проходила в этом вузе) ко мне подошла Ольга Васильевна Козлова, она наклонилась и тихо, с улыбкой произнесла: «Валя, не хвалюйся, самым складаным у гэтай справе было сабраць усіх гэтых «дзядзькоў» разам, а астатняе — гэта ўжо справа тэхнікі. Зробяць яны цябе сёння кандыдатам, вось пабачыш». Как я была благодарна этой мудрой женщине за все, что она для меня сделала. Всегда спокойная, уравновешенная, она вселяла в меня надежду, веру в будущее. Рядом с ней мне было как-то домашнему тепло и уютно.

Я смутно помню собственное выступление — все-таки немного переволновалась, хотя внешне оставалась абсолютно спокойной. На вопросы тоже отвечала нормально. Во всяком случае, Ольга Васильевна, сидевшая прямо передо мной в первом ряду, одобрительно кивала головой. Я пыталась найти глазами Дмитрия Яковлевича Бугаева, проверить его реакцию, но он забился в дальний угол за спины членов совета, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Потом он признавался, что никогда в жизни так не волновался за своих диссертантов (а их у него было немало), как тогда. Но вот слово предоставили Коваленко, и я успокоилась, кажется, пронесло.

Однако Н. Гринчику почему-то очень не понравилось выступление первого оппонента. Он буквально засыпал вопросами Виктора Антоновича. Завязалась нешуточная дискуссия. Гринчик решил устроить директору Института экзамен, но почему-то на знание европейской литературы. Виктор Антонович выдержал его на «отлично» и, как броней, прикрыл меня собой.

И вот объявлены результаты тайного голосования: черных шаров нет, все члены специализированного Совета проголосовали за меня. В итоге все мы, гордые и счастливые, взяли курс на ресторан «Минск», который тогда находился на шестом этаже гостиницы «Минск». Правда, официально всякие банкеты тогда были запрещены. Но это официально. Реально же они проводились. Ну, действительно, что это за защита, когда она не закреплена банкетом? Это как Новый год без елки и шампанского!

На банкет пришли почти все, кого мы с Дмитрием Яковлевичем пригласили. Даже декан филфака БГУ Алексей Арсентьевич Волк, который раньше таких мероприятий принципиально избегал. Он сказал, что уважает мужественных людей и поэтому считает за честь лично поздравить меня с победой. Я была безмерно счастлива. Тамадой единогласно был избран Владимир Наумович.

Это был, прямо скажем, тамада от Бога. Наше застолье он превратил в красивое, остроумное, театрализованное шоу. Я сидела между Дмитрием Яковлевичем и Виктором Антоновичем. Это как раз был тот момент, когда за столом собрались не профессора-академики, а обычные люди, точнее, люди из одной команды. Они были свидетелями и участниками по тем временам неординарного события, эксклюзива по-теперешнему. Защищался человек в кресле (принципиально избегала инвалидного кресла). Не знаю, кто из нас был более счастлив: я или они? После одной-двух пропущенных рюмок шампанского и коньяка мы совершенно расслабились, беседа полилась рекой. Диалог перемещивался с полилогом — причем на разных языках: сочном белорусском, красивом русском и даже польском, английском и французском. Настоящий Вавилон. А песни какие звучали! Весь ресторан нам аплодировал. Были, разумеется, и танцы. Не усидел и Виктор Антонович — не устоял перед чарами одной из участниц нашего торжества. Но, наверно, пляски все же не были стихией уважаемого директора, потому что вскоре он подошел ко мне, поблагодарил за вечер, пообещал, что завтра обязательно мне позвонит, и по-английски, не прощаясь, ушел домой.

Назавтра мне пришлось задержаться в гостинице еще на добрых полдня. Вместе с секретарем специализированного Совета Изабеллой Владимировной Пашенко приводили в порядок бумаги, оформляли документы, ставили подписи и т. д. Но внутренне я была вся в ожидании — больше всего на свете я ждала один звонок — от Коваленко. Я догадывалась, о чем будет идти речь, ибо меня еще накануне об этом предупредил Дмитрий Яковлевич. Но я ждала с тревогой и страхом — а вдруг передумает и не позвонит. Что же мне тогда делать?

Закончить институт, аспирантуру, защитить диссертацию и не иметь возможности самореализоваться — согласитесь, ситуация более чем драматическая. Проблема работы на тот момент для меня стояла очень остро. И казалась тупиковой. Виктор Антонович, как позже он сам в этом признался, уже при нашей первой встрече начал искать выход из этого тупика. Но даже и он не мог тогда представить, какие сложности ожидали нас впереди.

Я дождалась звонка от Виктора Антоновича. Он еще раз поздравил меня с успехом, спросил, не болит ли голова после вчерашних мероприятий, и наконец я услышала то, чего так долго и с нетерпением ждала: «Валянціна Іванаўна, у мяне да вас ёсць прапанова, сур'ёзная — наконт працы ў нашым Інстытуце. Спецыфіка працы ў нас адметная, вы зусім спакойна можаце жыць у сваім Пінску, займацца даследаваннем літаратуры. Прыязджаць да нас будзеце толькі на абмеркаванні сваіх прац. Праўда, канкрэтна пытаннем працаўладкавання мы зоймемся ўжо пасля таго, як вы атрымаеце пасведчанне кандыдата навук, а пакуль я прапаную вам напісаць абзорны артыкул аб сучаснай беларускай літаратуры». Ну вот, наконец-то свершилось! Я ликовала. Мне предложили не просто работу, о которой я давно и безнадежно мечтала, а работу в академическом Институте. Я летела из Минска как на крыльях, полная надежд и творческих планов.

Однако, увы, буквально через несколько дней Виктор Антонович прислал мне письмо и предупредил, что статья отменяется, ибо бухгалтерия отказывается ее проплачивать. Причина очень важная по тем временам: отсутствие минской прописки. В письме он с сожалением констатировал, что «інструкцыі ў нас маюць вялікую сілу, але я думаю, што ўрэшце-рэшт спрыяльнае рашэнне павінна быць. Я асабіста ў гэта веру». Виктор Антонович был настроен решительно, он верил в то, что Совет Министров рано или поздно сделает для меня исключение из общего правила и разрешит ему, директору, принять меня на работу к себе в Институт.

Все это время — а это более двух лет — мы переписывались с Виктором Антоновичем. Вот несколько фрагментов из писем тех лет: «Атрымаў Ваш ліст. Мне было прыемна атрымаць Ваш ліст па некалькіх прычынах. Па-першае, гэта

ліст ад Вас, такога прыемнага і разумнага чалавека, па-другое, Ваш ліст, нягледзячы на тое, што Вам хапае гаркаты, чакаючы адказу з высокай інстанцыі, увесь пранікнуты дзелавым настроем. Мне здалася, што Вы ўжо захоплены тэмай, праблемай, будучай працай і ўнутрана пачынаеце ўцягвацца ў навуковыя турботы. Калі гэта так, то вельмі прыемна і радасна ведаць пра гэта» (письмо от 25.07.1985 г.). Или вот еще: «Прашу прабачэння, што не адразу адказваю Вам на Ваш ліст. Шмат мітусні, дробных спраў, патрэбных і непатрэбных камандзіровак. Якраз цяпер для мяне аказаўся найбольш спрыяльны час і па ўнутранаму настрою, каб напісаць Вам адказ і пагаварыць пра Ваш план. Настае дзень 8-га сакавіка і я хачу сардэчна павіншаваць Вас з жаночым святам і пажадаць Вам поспехаў, лепшага здароўя і ўсяго самага добрага ў жыцці. Акрамя таго, прачытаў Ваш артыкул у «Полымі» (речь идет о моей статье «Героі і час», опублікованной во 2-м номере «Полымя». — В. Л.) і вельмі парадаваўся за Вас. Артыкул добры, ацэнкі твораў правільныя. Мне прыемна было пераканацца, што мае ацэнкі супадаюць з Вашымі. Ва ўсіх адносінах добры артыкул. Учора ў Саюзе пісьменнікаў было пасяджэнне секцыі крытыкі. Справаздачны даклад рабіў Дзмітрый Якаўлевіч. Ён згадваў Ваш артыкул як дасягненне крытыкі за справаздачны перыяд. Віншую Вас з поспехам на крытычнай ніве і жадаю новых артыкулаў — глыбокіх, аналітычных, цікавых. Такіх, як гэты, які я маю на ўвазе» (письмо от 3.03.1986 г.).

Виктор Антонович рекомендовал продолжать изучение белорусской литературы, которую я знала в меньшем объеме, чем русскую. Настаивал на новых публикациях, ибо, как он выражался, «час выходзіць у людзі».

И я старалась «выходзіць» — готовила в издательство «Мастацкая літаратура» рукопись первого своего сборника литературно-критических статей «Да новых вышынь», писала рецензии, ну и конечно, читала белорусских авторов, чередуя их с европейскими: М. Горький и Ф. Стендаль, К. Чорный и Т. Манн, В. Быков и Э. Хемингуэй, Э. Ремарк, А. Камю... Открывала для себя Ж.-П. Сартра и В. Козько, В. Адамчика и У. Фолкнера... Постепенно у меня вырисовывалось и направление собственного научного поиска.

И все это время я подспудно, подсознательно готовилась, выбирала тему докторской диссертации. Мне хотелось исследовать философию белорусской литературы, а точнее, нравственно-философские поиски белорусской литературы XX столетия.

Виктор Антонович меня не отговаривал, наоборот, он поддерживал эту мою, как я теперь понимаю, научную авантюру. «Тэма ж, вядома, прыдатная і, як кажуць, дысертацыйная ў тым варыянце, які Вы выбралі. Тэма несумненна цяжкая, яна — сацыяльна-філасофская перш за ўсё. Але я думаю, што Вы з поспехам справіцеся з ёю. Праблематыку сваёй будучай работы Вы ў агульным плане вызначаеце правільна. Жадаю Вам поспеху» (письмо от 25.07.1985 г.).

Тем временем я продолжала писать «прошения» в высокие инстанции, а Виктор Антонович в буквальном смысле ходил по кругу: ЦК КПБ — Совет Министров БССР и снова ЦК КПБ.

Я уже два года работала в Брестском пединституте, как минские чиновники наконец-то дали свое разрешение. Правда, в достаточно необычной форме: они все порекомендовали самому Коваленко, мол, под вашу ответственность, товарищ директор, хотите принимать — принимайте, но от проверяющих отбивайтесь сами. Но и это еще не все (ох, уж эти советские чиновники!): свой вердикт они передали Виктору Антоновичу не в письменной форме, что хоть как-то бы могло подстраховать его в дальнейшем, а в телефонном разговоре. Однако Коваленко не отступил, он незамедлительно принимает решение зачислить меня в штат Института. Первоначально только на полставки. Долго выбирали отдел, пока в итоге не остановились на отделе литературных взаимосвязей. В свое время этот отдел возглавлял Алесь Адамович — гордость отечественного литературоведения,

великий ученый, писатель, публицист. Позже на этом посту его сменит В. Л. Соколовский. Человек широкой эрудиции, он длительное время был на дипломатической работе в Германии. Владимир Леонтьевич хорошо знал европейскую литературу, особенно немецкую, его интересовали взаимосвязи белорусской и немецкой литератур, и он много сил и времени отдавал выявлению этих связей. Владимир Леонтьевич тепло принял меня в свой коллектив.

Виктор Антонович предложил мне заняться исследованием современной советской литературы, попросил сформулировать тему на предстоящие пять лет и написать план-проспект. Вот тут-то я и вспомнила о своей докторской и взяла ее в качестве основы предстоящей работы. Через какое-то время я представила план-проспект ученому секретарю Института Афанасию Филипповичу Порепко. Милейший Афанасий Филиппович настоятельно рекомендовал сократить масштабы проекта. Его поддержал впоследствии и Виктор Антонович. Последний, внимательно ознакомившись с моим планом, добрые две трети его перечеркнул, а остальное вернул мне: «Вось вам хрушчоўскі перыяд, з ім і працуйце». Хотя Виктор Антонович к тому времени уже изменил свое отношение к избранной мною теме. Нравственно-философские критерии в области литературы в конце 80-х годов менялись как в калейдоскопе. Все, что совсем недавно было позитивным и незыблемым, в одночасье становилось негативным. Общественное сознание политизировалось с невероятной скоростью. Рушилась идеология, с пьедесталов сносили кумиров, хаос социальный повлек за собой и хаос в сфере нравственной, моральной. Категория гуманизма трансформировалась. Сменились приоритеты государственной и общественной жизни. Естественно, что все это четко осознавал Коваленко, он понимал, как непросто будет мне отстоять написанное сегодня через год-два. В такой ситуации, безусловно, более разумным было бы заняться теоретическими проблемами литературы. Поэтому Виктор Антонович и предлагал мне сменить направление исследования, заняться проблемой жанра — можно на прозе того же В. Быкова, но уже обязательно в сравнении с прозой других белорусских писателей — И. Шамякина, И. Науменко, И. Чигринова, А. Осипенко и т. д. Ибо, как он подчеркнул, «праца ў такім павароце (ці іншым, падобным), павароце (тэарэтычным) не будзе старэць зместам» (письмо от 3.07.1987 г.). Но я любила философию, мне нравились книги глубокого философского содержания, и я просила руководство Института утвердить именно ту тему, которую я им уже представила.

Как и предвидел Коваленко, сложности у меня появились сразу после того, как я написала «Вступление». Критики было более чем достаточно. В связи с этим Виктор Антонович прислал мне письмо, пытаюсь смягчить ситуацию. «За крытычныя заўвагі не крыўдуйце. Вас, сапраўды, у аддзеле ўспрымаюць вельмі сур'ёзна, і мяне гэта радуе. Мне таксама прыемна даведацца ад Вас, што Вы крытычныя заўвагі прымаеце як належнае. У нас такі стыль працы, стыль традыцыйны — і Вы не выключэнне. Мне казалі, што агульны тэарэтычны ўзровень Вашага раздзела прыстойны, але слаба адчуваецца гатоўнасць да новых падыходаў. Не ведаю, ці так гэта, бо пакуль што Вашай працы не чытаў. Але над крытычнымі заўвагамі, нават калі яны не зусім справядлівыя, заўсёды варта падумаць. Акрамя таго, з уласнай практыкі ведаю, што наперад напісаны «Уступ» абавязкова пераіначваецца ці адкідваецца зусім. Не прыдавайце «Уступу» вялікага значэння цяпер. Працуйце далей. Жадаю поспеху. Не перапрацоўвайцеся толькі, не таміцеся вельмі. Часцей адпачывайце» (письмо от 6.03.1989 г.). Была у меня когда-то такая страсть работать сутками, забывая о сне и еде. И Виктор Антонович знал об этом.

Хорошо помню первое обсуждение моей работы, точнее, ее первой части, в отделе. Был конец сентября 1989 года. Моросил холодный осенний дождь с порывистым ветром. Заседание было назначено на 10 часов утра. Сразу с 9-ти

мы засобирались в Институт. Но как это нередко случается, когда очень боишься опоздать, то обязательно опоздаешь. Мы тоже опоздали. Причина оказалась банальной: сломался лифт в гостинице. На ступенях Академии нас дожидался уже успевший продрогнуть на ветру Семен Букчин. В холле прогуливался Владимир Леонтьевич Соколовский. Они и сопроводили нас с подругой на четвертый этаж в отдел литературных взаимосвязей. В тот день сотрудники отдела собрались в полном составе. Присутствовал здесь и Виктор Антонович, что для меня было приятной неожиданностью, я знала, что он на данный момент находился в отпуске, да к тому же еще и приболел. Отдельно просить его о встрече я просто не решилась, но он, видимо, догадывался, насколько важным будет для меня его участие в процессе обсуждения, и приехал сам. Не исключено, что он хотел еще и послушать, как будет оценена моя работа отделом.

Выступления сотрудников как бы иллюстрировали ту эпоху, в которой мы тогда жили. Обсуждение открыл Владимир Леонтьевич Соколовский. Он достаточно подробно рассмотрел мою рукопись, сделал ряд конкретных замечаний, просил не спешить с выводами. Потом выступали другие. Семен Букчин с присущим для него максимализмом рекомендовал мне прежде всего расправиться с колхозами, которые представлялись ему основным социальным злом, что привело село к трагическим последствиям. Слова Букчина для меня были несколько неожиданными, но слушать его мне было крайне интересно. От него исходила такая разрушительная сила, что прямо дух захватывало. Любовь Турбина все призывала меня «сначала определиться», но я так и не поняла, с чем или в чем я должна определяться. Не очень существенными показались мне выступления Галины Творонович и Леонида Козыры. Владимир Казберук, наоборот, сделал ряд очень важных конструктивных предложений. И вот наконец слово взял Виктор Антонович. Он очень внимательно слушал предыдущих выступающих, даже делал какие-то пометки в своих бумагах. Коваленко как бы подытоживал обсуждение. Он много и подробно говорил о моей работе, подчеркивая и положительные, и отрицательные ее моменты. Очень хорошо запомнились его слова о том, что так, как я, глубоко о философии природы П. Пестрака еще никто не писал. Для меня это была наивысшая награда. К сожалению, впоследствии эта глава не вошла в монографию. Из 15 печатных листов, подготовленных мною к изданию, мне оставили только 5. В Институте не оказалось денег, чтобы проплатить издание монографии целиком. Кстати, редактировал ее В. А. Коваленко. Вышла она в издательстве «Навука і тэхніка» в 1995 году под названием «Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы. 50—60-я гады».

Институт, сколько я помню, всегда находился в стесненном финансовом положении. Одно время Виктору Антоновичу пришлось даже совмещать свою директорскую должность с должностью зав. отделом литературных взаимосвязей. Но тем не менее он всегда оставался очень демократичным руководителем. Он никогда не повышал голоса, не злоупотреблял властью. Он был очень деликатным человеком, интеллигентным по своей внутренней сути. Все самое сложное старался брать на себя.

Коваленко возглавлял Институт в далеко не лучшие времена. Он часто говорил мне, что хочет уйти с поста директора. Он — исследователь, ученый, литератор — и хочет спокойно заниматься наукой, писать книги. Эти его настроения подтверждают и письма тех лет. «Глыбокапаважаная Валянціна Іванаўна! Сардэчна дзякую Вам за навагоднія віншаванні. Дазвольце і мне павіншаваць Вас з Новым годам і пажадаць Вам усяго самага найлепшага, што толькі можна пажадаць цудоўнаму чалавеку. Хай Вам добра жывецца, працуецца і адчуваецца. Хай здзейсняцца ўсе Вашы намеры і спадзяванні. Добрага настрою Вам і Вашым блізкім.

Мне прыемна, што Вы трывожыліся і перажывалі за мяне (речь здесь идет о перипетиях очередного переизбрания Коваленко на пост директора Инсти-

тута. — В. Л.). Я ўпэўнены, што гэта дапамагло мне. Хоць, паверце, у сучасны момант быць дырэктарам цяжка. Асабіста для мяне было б лепш адмовіцца ад гэтай пасады. Але даводзіцца паважаць і цаніць давер калектыву. Прызнаюся, адносіны калектыву найбольш радуюць і ўсцяшаюць...» (письмо от 6.01.1989 г.)

У меня не получилось защитить докторскую, как мы планировали в свое время с Виктором Антоновичем. В этом тоже виновато время, в котором мы жили и творили. Слишком уж тесно переплелись литература и политика, искусство и социум. Так не должно быть, задачи литературы должны быть иными — это отображение человека в его сакральном значении, духовной сущности, человека как феномена природы, Бога. Литература должна заниматься общечеловеческими проблемами и защищать общечеловеческие ценности. Это касается и литературоведения. У нас же, к сожалению, над всем доминирует социум и идеология.

Дмитрий Яковлевич Бугаев предлагал мне защищаться у них в университете. Он говорил, что научный уровень монографии более чем солидный, она соответствует требованиям докторской диссертации. И Олег Антонович Лойко (в то время зав. кафедрой белорусской литературы в университете) принципиально согласился с Дмитрием Яковлевичем. Но я не могла на это пойти, боялась последующих возможных осложнений в творческой жизни.

Начало 90-х годов. Продолжался процесс переоценки всего пласта советской литературы. Институт приступил к работе над многотомным изданием новой «Гісторыі беларускай літаратуры XX ст.» в четырех томах. Виктор Антонович был весь в хлопотах — творческих и организационных. Коллективом Института была проделана огромнейшая работа. Вышло четыре тома, при этом четвертый — в двух книгах. Сейчас можно услышать голоса о несовершенстве тех или иных оценок, определений или категорий, данных авторским коллективом «Гісторыі». И это действительно так. Но вместе с тем это только подчеркивает мысль о дискуссионности литературной жизни 80—90-х годов прошлого столетия. Ситуация складывалась таким образом, что критерии и установки менялись настолько стремительно, а издательский процесс из-за финансовых трудностей настолько замедлялся, что, пока книга доходила до читателя, она уже морально устаревала.

Для «Гісторыі» я написала три раздела: «Іван Шамякін», «Алесь Асіпенка» и «Уладзімір Дамашэвіч». Спешно готовили 2-ю книгу заключительного 4-го тома. Я все свои бумаги сдала и решила устроить передышку. Но в это время у меня в квартире раздаётся телефонный звонок. Снимаю трубку и слышу ставший уже для меня привычным голос Виктора Антоновича: «Добры дзень, Валянціна Іванаўна! Ну, як вам там жывецца-працуецца?» Я, как всегда, ответила, что все в порядке, что готова к выполнению любых его распоряжений. Мы минуту-другую поговорили о погоде, о том о сем, и тут Виктор Антонович предлагает мне написать раздел о творчестве Валентины Ковтун. Я сразу же запротестовала, ибо работала главным образом с прозаическими текстами, а В. Ковтун к тому моменту была больше известна как поэтесса, только-только вышел ее первый роман «Крыж міласэрнасці». Стихотворные жанры имеют свою специфику, в отличие от прозаических. Мне всегда было интересно работать с прозой — не знаю, почему, но так уж распорядилась моя творческая судьба. В. Ковтун — замечательная поэтесса, я очень уважительно относилась к ее творчеству, но писать о ней, считала, не имею права. Я не справлюсь и таким образом подставляю и его — Коваленко, и Ковтун. Таково было мое убеждение. Но Виктор Антонович проявил несвойственную для него твердость и сказал, что я просто обязана написать этот раздел, ибо больше некому. «Некалі я таксама даследаваў толькі адну прозу. Але мяне папрасілі напісаць пра П. Панчанку. Я спачатку, як і Вы, вагаўся, а пасля згадзіўся. І нічога. Усё атрымалася. Нават П. Панчанка застаўся задаволены».

«Виктор Антонович, что же Вы сравниваете, Вы же — Коваленко, а я всего только Локун», — все еще на что-то надеясь, продолжала я сопротивляться.

«Нічога, усё атрымаецца. Працуйце. Пад маю асабістую адказнасць».

Только спустя несколько лет, встретившись в Пинске с самой Валентиной Михайловной Ковтун, я узнала истинную причину настойчивости Коваленко. Оказывается, она сама просила Виктора Антоновича, чтобы раздел о ней писали либо Владимир Конон, либо В. Локун.

К сожалению, этот раздел не попал в «Гісторыю», но не потому, что плохо был написан (как раз он у меня получился, сама В. Ковтун его одобрила), а по иной причине, для меня до сих пор не совсем понятной.

* * *

В одном из своих писем ко мне Виктор Антонович написал: «У літаратуразнаўцаў не бывае славы. Пры ўсіх заслугах перад літаратуразнаўствам і крытыкай А. Адамовіч застаўся б малавядомым для шырокіх колаў грамадскасці, калі б не пайшоў у мастацкую творчасць, публіцыстыку і палітыку. Літаратуразнаўства — гэта крот, які рыхліць глебу на ніве духоўнай культуры, рэдка выходзячы на паверхню» (письмо от 3.07.94 г.). И подпись: «Той, хто Вас вельмі паважае і цэніць». Таким «кротом» всю жизнь оставался и Виктор Антонович Коваленко. Доктор наук, академик, он прежде всего был трудоголиком. Диапазон его научных интересов огромен. Ему в равной степени были интересны и мифо-поэтические, фольклорные мотивы отечественной литературы и ее современный процесс, ее «вытокі» и ее «уплывы», ее национальные особенности и общечеловеческая сущность. Он был одинаково великим и когда исследовал творчество М. Горьцкого или З. Бядули, и когда писал о И. Шамякине, В. Быкове, И. Чигринове и множестве других белорусских и небелорусских писателях.

В. Коваленко пытался освоить еще один литературный жанр, «чисто» повествовательный — жанр романа. В 1978 году был опубликован его роман «Падвышанае неба». Но это произведение почему-то не стало событием в литературной жизни страны, хотя с точки зрения художественной роман выполнен безукоризненно. В нем не оказалось той **особенной** новизны, открытия, на что настраивался читатель, только взяв в руки книгу. Имя обязывало быть особенным. Во всем великим. Если бы автором книги был кто-то иной, обычный писатель, ему бы все это простилось. А к роману В. Коваленко подходили уже с заведомо высокой меркой, которая соответствовала бы уровню его научных работ.

Возвращаясь к теме наших взаимоотношений, мне хочется подчеркнуть и такой еще очень важный для меня момент: в Союз белорусских писателей в 1998 году меня также рекомендовал В. Коваленко. Кстати, вместе с Д. Бугаевым (третьим в этой «связке» рекомендателей был профессор Брестского педуниверситета Микола Мищенчук). Их рекомендации я восприняла прежде всего как огромную ответственность — и не только за то, что я написала, но прежде всего за то, что еще собиралась написать. А в то время я работала над главной своей книгой — монографией «Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры». Работу над ней я завершила в 2000 году. Виктор Антонович одним из первых поздравил меня с успехом. В телефонной беседе он отметил: «Манаграфія ў Вас атрымалася вельмі і вельмі прыстойная. Я рады за Вас».

* * *

Помню, с каким энтузиазмом всем Институтом отмечали 70-летие Виктора Антоновича. Это был всеобщий праздник. Позже мне его подробно, в деталях, описал друг и коллега Виктора Антоновича Гаранин Леонид Яковлевич. (Леонид Яковлевич, кстати, тоже побывал у меня в гостях, после чего у нас с ним завя-

залась теплая дружеская переписка.) В тот день я никак не могла пробиться по телефону к Виктору Антоновичу. Уже буквально перед самым торжественным собранием по случаю юбилея мне совершенно случайно удалось поймать Валентину Павловну Косцову, главного бухгалтера Института. Она по каким-то неотложным делам на секунду забежала в приемную. «Ой, Валентина Ивановна, там столько народу собралось чествовать нашего юбиляра, Вы не представляете», — взволнованно прокричала мне Валентина Павловна. Тем не менее эта милейшая женщина пообещала пробиться к Виктору Антоновичу и лично передать ему мои поздравления. Через два дня я позвонила Коваленко домой. Он был еще уставшим от праздничной суеты, но тем не менее с юмором ответил: «Напэўна, доўга яшчэ жыць буду, калі перажыў увесь гэты вэрхал».

Увы, прожить ему оставалось совсем немного — чуть больше года. Совершенно не помню, по какой причине я в тот день позвонила в Институт. Да и была ли причина вообще? Продолжались летние отпуска, Институт работал вполсилы. Но меня словно что-то подталкивало — позвони! И я позвонила в приемную. В трубке услышала голос Антонины Владимировны, секретаря директора. Всегда предельно вежливая, доброжелательная, Антонина Владимировна была на этот раз какой-то не такой. Я даже не успела сообразить — **какой?** «Валентина Ивановна, у нас беда, вчера на даче скоростижно умер Виктор Антонович, — произнесла она подавленно. И тихо добавила. — Похороны будут завтра». Я чувствую, что произошло что-то ужасное, непоправимое. Но не могу осознать, **что?** Как, нет больше Виктора Антоновича? Нет и никогда больше не будет?..

Спустя какое-то время я получила письмо от Леонида Яковлевича Гаранина. Он в числе немногих приглашенных от Института присутствовал на «сорока днях» на квартире вдовы Виктора Антоновича Коваленко Марии Андреевны. Леонид Яковлевич подробно описал мне все происходившее в тот вечер, ибо решил (и я очень признательна ему за это решение!), «что надо Вам об этом написать. Ведь Виктор Антонович, можно сказать, был Ваш **покровитель и друг**».

Традиции В. А. Коваленко, его демократизм и внутреннюю интеллигентность, деликатность в отношении с людьми, коллегами и подчиненными стремились сохранить его преемники: Михась Александрович Тычина, который возглавил отдел после Виктора Антоновича, и Владимир Васильевич Гнилomedов, занимавший пост директора Института в течение многих лет. Но — это уже отдельная страница в моей жизни. Да и в истории Института, вероятно, тоже.

